

¹ По техническим причинам оригинальное написание подверглось следующим преобразованиям: титла раскрыты, выносные буквы внесены в строку, *юс* малый и *a* иотованное заменены буквой *я*, *юс* большой буквой *у*; *e* и *a* иотованные — буквами *e* и *a* соответственно, *омега* — буквой *o*, все виды *и* приводятся одинаково как *и* восьмеричное.

² Von d r ä k W. *Altslovenische Studien // Sitzungsberichte der Philosophisch — historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. Wien, 1890. T. 122. № VII.

³ Я к о б с о н Р. *Работы по поэтике*. М., 1987.

⁴ M o s z y ŋ s k i L. *Cytaty ewangelijne w tekście Kodeksu Supraskiego // Проучвания върху Супрасълския сборник*. София, 1980. С. 49.

⁵ Здесь следует обратить внимание на образовавшийся гомеотелевт, который на основании фонетического созвучия уравнивает смысловое наполнение обеих конструкций.

Сокращения

Илар.— Иларион, митрополит Киевский // *Slavia*. Roč. 32. S. 2.

Макед.— Македонский глаголический листок // Ильинский Г. А. *Македонский глаголический листок, отрывок глаголического текста Ефрема Сирина XI века*. Спб., 1909.

Кир. Тур.— Кирилл Туровский // *Рукописи графа А. С. Уварова*. Спб., 1858. Т. 2.

Кл. Охр. 1, 2 — Охридский Климент. *Събрани съчинения*. София, 1970. Т. 1; 1977. Т. 2.

Остр.— Остромирово Евангелие 1056—1057. Л.; М., 1988.

Рыльск.— Рыльские глаголические листки // Гошев И. *Рилски глаголически листове*. София, 1956.

Супр.— Супрасълский сборник // *Супрасълски или Ретков сборник*. София, 1982. Т. 1; 1983. Т. 2.

С. В. ШЛЕПАКОВ

ПРАГМАТИКА УСТНОГО БЫТОВОГО РАССКАЗА

В лингвистике текста все больше утверждается подход, выходящий за рамки имманентного анализа речевых произведений и обращающийся к их внешнему, экстралингвистическому аспекту. В частности, одной из существенных сторон, определяющих композиционно-лингвистические особенности речевых образований, является их телеологическая характеристика. Знание цели речевого акта позволяет глубже проникнуть в его структуру и проследить связь этой структуры с конкретными коммуникативными интенциями. Обобщающий анализ целей речевых произведений имеет смысл проводить на основе типичных коммуникативных ситуаций, порождающих различные речевые жанры, или «относительно устойчивые формы построения целого»¹. В настоящей статье мы кратко рассмотрим интенциональные характеристики одного из жанров разговорной речи — **устного бытового рассказа**, представляющего собой спонтанное разговорное сюжетное повествование о нетривиальных бытовых ситуациях из личного опыта говорящих.

Типичная для жанра коммуникативная ситуация должна, очевидно, характеризоваться некоторым ограниченным числом интенциональных признаков, содержащихся в произведении в превращенной форме. Применительно к устному бытовому рассказу их выявление затруднено принципиально отличной от многих других разговорных жанров особенностью. Данная разновидность общения не опосредована какой-либо практической деятельностью собеседников (по крайней мере, напрямую не обуславливает такую деятельность), не имеет в качестве немедленного следствия внеречевого результата и референциальной основы в актуальной действительности в момент речи². Устный рассказ как непосредственное предметно-практической деятельностью субъект-субъектное речевое взаимодействие находится в стороне от решения важных практических задач, среда его «обитания» — неформальное межличностное общение в непроизводственной сфере, в располагающих для этого времени и обстановке. В силу указанных особенностей мы вряд ли сможем получить исчерпывающее представление о коммуникативных намерениях говорящих в ситуации устного рассказа. Коммуникативная интенция, не

подкрепленная установкой на практический результат, утрачивает четкие контуры для исследователя. Это обстоятельство далее осложняется тем, что мы имеем дело не с конкретными ситуациями общения, а с репрезентирующими их текстами, которые отстранены от ситуативно-речевой реальности. Тем не менее даже в отстраненной от реальности форме тексты рассказов (и прилегающих к ним речевых контекстов там, где они доступны) могут с различной степенью эксплицитности указывать на мотивы использования этого жанра говорящим.

Предварим наш небольшой анализ постулированием трех функций общения, реализуемых в жанре устного рассказа: функцией воздействия на собеседника, информационной и эстетической (ср. тексты с функцией общения, сообщения и воздействия по В. В. Виноградову). В соответствии с этим выделим три прагматических типа устного бытового рассказа: **аргументационный; информативный; занимательный.**

В **аргументационном** рассказе эпизод из жизни приводится в качестве подтверждения, доказательства некоего утверждения, сделанного говорящим. Стремясь как можно более убедительно обосновать свою точку зрения, говорящий опирается на реальный опыт, имевшее место событие, случай и использует его в качестве аргумента. Так, в нижеследующем рассказе утверждение о недостатках новых турникетов в Лондонском метро подкрепляется конкретным примером из жизни.

Now, regarding the barriers, they are very unsafe. OK? Because I can remember an incident at Victoria station just over a year ago, where an elderly lady, about 72, 73 years of age, had stepped off the train and collapsed due to a heart attack. Now, whilst an off duty nurse was trying to revive her, I and one or two other station's staff had to run upstairs... erm... and... to Wilton Road outside Victoria Station and wait for the ambulance crew to arrive. Now, without barriers it must have taken us about 4 to 5 minutes to get from Wilton Road back on to the Victoria platform. OK? Now with the type of barriers that are on the station now, which they are actually planning to equip all the stations with, it would be a lot harder for ambulance crew to make it to the platform if they've got to go a long way down, OK? Which would... which is gonna actually cost lives. (Sure.).

Как видно из рассказа, прагматическая ситуация находит воплощение в его языковом оформлении. Перед началом повествования рассказчик делает утверждение (they are very unsafe), истинность которого он пытается доказать, сочетая повествовательную форму с композиционно-речевой формой рассуждения.

Одной из разновидностей аргументационных рассказов являются истории, в которых рассказчик дает характеристику какой-нибудь личности и приводит случай, раскрывающий эту характеристику. Такие рассказы мы будем называть **характерологическими.**

— How is she with machines?

— Absolutely helpless. She is a walking disaster with anything mechanical. If I can just tell you a story. Back in summer she was mowing the lawn with one of those Hoover type mowers. The handle comes off or breaks off and then the mower's gone round the lawn by itself, just with the cable attached. I think she's had three radios in her car in a year. All bust. And what else? Kettles blow up... Anything machanical, it just seems to put a jinx on her. ...Wonderful with people, but a walking disaster with machines.

Аргументационные рассказы также могут служить объяснением какой-либо ситуации или состояния говорящего. Общей чертой всех аргументационных рассказов является обусловленность их появления в дискурсе наличием у говорящего прагматической установки на формирование или изменение мнений и оценок собеседника.

Информационный рассказ (или рассказ-сообщение) практически лишен подобной прагматической мотивировки. Коммуникативная цель говорящего в данном случае сводится лишь к желанию передать информацию о событии в прошлом как своеобразные «устные новости», в которых повествуется об имевших место нетривиальных случаях.

Такие истории часто устраняют информационную разность, образующуюся вследствие перерывов в общении коммуникантов. Так, например,

в следующем рассказе говорящий вспоминает о недавнем приходе гостей. Особую выделенность при этом получает факт их прихода раньше назначенного времени. Повседневная бытовая ситуация становится, таким образом, объектом ценностного отношения и заключается в целостную форму небольшой устной «зарисовки».

It's fatal. Oh, I had some people to lunch on Sunday and they turned up half an hour early. Really, I mean, you know what getting up Sunday's like. Anyway ... And I was behind in any case. And I'd said to them: "One o'clock". And I almost phoned them up and said: "Come a bit later". And then I thought: "Oh, they've probably left by now". So I didn't. And ... twelve thirty ... "Now, it can't be them!" And it was. And they'd left plenty of time for their connections. And they got all their connections at once. And it was bloody annoying, cos they came with this child, you know, who was running all over the place. And they kept coming in and chatting to me. And I couldn't get on with things. And I get really. You know, when I'm trying to cook and people come and chat, I get really put off. Can't get on with things at all.

Мы уже отмечали, что прагматика рассказа скрыта от исследователя; и мы конечно же не можем быть уверены, что каким-либо конкретным рассказом говорящий просто передает информацию, а не убеждает, не влияет на собеседника исподволь. Любой устный рассказ отражает индивидуальную точку зрения, понимание ситуации говорящим, и это понимание неизбежно передается слушающему. И тем не менее тот сознательный акцент, который делается в одних и не делается в других случаях на оказание целенаправленного воздействия на собеседника, позволяет нам считать, что приведенное выше разграничение небезосновательно.

Занимательные рассказы — особый тип устного повествования. Особый потому, что их появление в речи стимулирует исключительно эстетическая функция общения, им не присущи четко выраженные иллокутивные характеристики, в терминах прагматики они почти «бесцельны» и слабо поддаются прагматической интерпретации. Такие рассказы часто звучат в часы досуга и служат речевой формой отдыха и развлечения. К их числу относятся так называемые анекдотические случаи, смешные истории — неизменные атрибуты вечеринок и дружеских бесед. По сути своей эти рассказы анекдотичны, курьезны и рассчитаны на соответствующую оценку собеседником. Известный принцип анекдота 'qui pro quo' — одно вместо другого, в значительной степени свойствен и им³.

Отсутствие четкой функциональной направленности этого типа рассказа, однозначной ориентации на обеспечение внеречевого результата вынуждает хотя бы кратко коснуться природы упомянутой нами эстетической потребности общения. Представляется, что глубинный смысл обмена личным опытом в рамках жанра спонтанного рассказа состоит в самопознании, самообъективации, самоутверждении личности, в установлении эмоционального контакта с собеседником, получении эстетического удовольствия. «Разговор — разрядка, и он же объективация вожделений, ценностей, идеалов, способностей и возможностей, познавательных, эстетических, волевых. Прежде всего, разговоры с ближним — сильнейшее средство самоутверждения, заявление о собственной ценности»⁴. Подобная атмосфера эстетически заряженной беседы и вызывает к жизни различного рода занимательные рассказы, в которых ненормативное действие может быть комично, может содержать элементы иронии, юмора. Легкость их содержания, отдаленность от чисто практических интересов иногда специально подчеркивается говорящим: *it's rather a flippant thing; very frivolous, I'm afraid; very entertaining little episode.*

Хорошим примером занимательной истории может служить следующее небольшое повествование.

— Go on! Tell me!

— Right! Well, this is er ... up in the fishing villages of Fife. And it's a solemn occasion. And it's six young fishermen being baptized and committing their lives to Jesus publicly. And it's a little elder who's baptizing them. And it's quite strenuous baptizing people, cos you dump them down into the washer (you're standing in a waist deep pool) and you pull them up again. So he manages five down and up. And when he comes to the sixth, HE SLIPS AND GOES RIGHT IN WITH HIM.

— Oh, dear! What... What's happening... I mean... In the congregation... Was that... A little titter go up, did it?

— Oh, definitely, definitely.

— Oh, dear! There he went. Not that solemn. Oh, dear!... Lovely story, that.

Нетривиальный элемент рассказа HE SLIPS AND GOES RIGHT IN WITH HIM (имеет максимальную просодическую выделенность) комичным эффектом вызывает у слушающего, очевидно, ожидаемую реакцию. Представив, как, совершая обряд крещения, пресвитер падает в воду, он смеется.

Еще раз отметим, что в реальном общении цели и намерения собеседников часто синтезированы в неразложимый на составные части комплекс различных установок. Большинство речевых актов вообще имеет многоцелевой характер. Одна из целей бывает лишь относительно более активна и выделена⁵.

Приведенная классификация прагматических типов устного бытового рассказа представляет собой попытку дать лишь общие характеристики коммуникативных ситуаций. Думается, однако, что и эта во многом вынужденная формализация достаточно приемлема и отражает определенную реальность функционирования жанра.

¹ Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 448.

² См.: Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977. С. 36.

³ См.: Руднев В. Прагматика анекдота // Даугава. 1990. № 6.

⁴ Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности. М., 1987. С. 364.

⁵ См.: Супрун А. Е. Лекции по лингвистике. Мн., 1980. С. 23.

Д. Г. БОГУШЕВИЧ, И. Ф. УХВАНОВА

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ И ТИПЫ ОБЩЕНИЯ

Коммуникативная единица языка (слово, высказывание, текст), взятая системно, вне конкретных условий общения, потенциально должна содержать информацию об отношении говорящего к основным воздействующим факторам языка, вовлеченным в речевую деятельность. Следовательно, потенциальный план содержания языковых единиц является весьма сложной системой взаимодействующих величин. Согласно причинно-генетической (семиотической) модели плана содержания языковой единицы данное явление представляет собой динамическую систему, постоянно испытывающую на себе воздействие четырех основных факторов: социально-психологического, гносеологического, синтагматического и парадигматического, которые зарождаются благодаря постоянному притяжению к языковой единице таких определяющих план содержания вершин, как «Познавательная деятельность», «Социальная практика», «Система соотнесенных языковых значений, результатов познания», «Речевая цель»¹. В результате их взаимодействия единица приобретает возможность выражать следующие виды информации: прагматическую, гносеологическую, парадигматическую и синтагматическую. Эти основные виды информации находятся в теснейшем переплетении друг с другом, результатом чего является зарождение промежуточных видов информации: стилистической, этимологической (или исторически значимостной), референтной (или денотативной) и формально-знаковой, объединяющих элементы ранее указанных видов и в то же время являющихся по сути самостоятельными образованиями².

Не вызывает сомнения, что прагматическая информация является не просто одним из компонентов плана содержания языковой единицы, но и его сущностной основой (в отличие, например, от смыслодержательной гносеологической информации³), «генератором» его смысловых токов,